

Внутри узкого прохода бушевало пламя битвы, а воздух был пропитан нерассеявшимся дымом. Обжигающие потоки воздуха от недавних взрывов всё ещё медленно перекачивались в пространстве, над воронками в расколотой мерзлой земле поднималась тонкая пелена пыли, а пепел, кружась в воздухе, застилал скудный дневной свет.

Байли И вновь наполнил кулаки энергией молний — ярко-синие электрические дуги с треском разлетались в стороны. Его охватила ледяная жажда убийства, он уже принял стойку для новой атаки. Огромное тело Эрн, усиленное Ориджиниумом, непоколебимо давило на поле боя; его кожа, покрытая кристаллическими наростами, мерцала, а тяжелый кулак, подобный горной скале, завис в воздухе, готовый обрушиться в любой момент. Ху Ижань затаился в тени дымовой завесы, перезаряжая арбалет: скрытность и взрывная мощь его оружия замерли, ожидая своего часа. У Сюань, собравшись с силами, была на пределе, готовая в любой миг поддержать товарищей в их наступлении.

Все пятеро были охвачены яростью сражения.

Напряжение смертельной схватки сдавило всё поле боя, сердца каждого из них были натянуты до предела. Ещё одно столкновение, способное разорвать проход в клочья, должно было вспыхнуть в следующую же секунду.

И именно в этот критический момент, когда воздух дрожал от ожидания смертельного исхода, посреди грохота эха и пронзительного свиста ветра из-за массивной, подобной горе спины Патриота вдруг донесся чистый, по-детски нежный, но исполненный решимости голос:

— Пожалуйста, перестаньте драться!

Голос был тонким и тихим, лишенным всякой угрозы, но в нем крылась странная проникающая сила, которая легко перекрыла весь шум битвы, заставив участников замереть на грани неминуемой гибели.

В одно мгновение всё застыло.

Готовые сорваться с рук молнии угасли, тяжелый кулак из Ориджиниума завис в воздухе, затаившаяся в тенях жажда крови рассеялась, а напряженные фигуры замерли.

Байли И, Эрн, У Сюань, Ху Ижань и стоящий в центре поля боя, источающий густую ауру убийства Патриот — все пятеро почти одновременно обернулись на звук, устремив взгляды к источнику голоса.

Ветер кружил снег, дым медленно клубился в воздухе.

Из тени, отбрасываемой мощной фигурой Патриота, шаг за шагом медленно выходила маленькая, хрупкая фигурка. Это была девочка-катерс.

Её короткие мягкие волосы цвета первого снега растрепались от порывов ветра на шахте, пряди падали на глаза, едва скрывая прозрачно-серые зрачки. На макушке поникли округлые белые ушки катерса — они выглядели безжизненными, а их опущенные кончики выдавали глубокий страх, тревогу и смятение, в них не осталось ни капли детской живости.

На маленьком аккуратном носу застыл тонкий слой инея, а на его крыле виднелся старый шрам — след нелегкой жизни и бесконечных страданий во время скитаний по мерзлой тундре. Её щеки были бледными, лишенными всякого румянца, а тонкие губы от лютого мороза приобрели сероватый оттенок, казалось, что они могут треснуть от любого прикосновения.

На худых пальцах, выглядывающих из рваных рукавов, виднелись красные от обморожения раны и мозоли. Ежедневный контакт с ледяной землей и тяжелый труд лишили её руки той мягкости, что должна быть у ребенка, оставив лишь огрубевшую кожу и холод.

Под тонкой кожей ключиц и предплечий проступали бледные, прозрачно-голубые узоры Ориджиниума, подобные застывшим морозным рисункам. Они бесшумно расползались, то проявляясь, то исчезая в тусклом свете. Это было безмолвное, но жестокое свидетельство того, что смертельная Орипатия уже давно терзает её маленькое, слабое тело.

Она инстинктивно сжалась, плотнее закутываясь в старый потрепанный жилет, из которого торчала вата, и глубоко зарылась лицом в заношенный серый шарф, пытаясь укрыться от пронизывающего холода. В её чистых серых глазах застыли страх, терпение и глубокое одиночество, совершенно не соответствующие её юному возрасту. Рано познав вкус смерти и страданий, она навсегда утратила детскую невинность, оставив на дне глаз лишь осторожность и стойкость, выкованные в горниле отчаяния.

— Елена? Что ты здесь делаешь?! — после короткого замешательства У Сюань первой узнала свою спутницу, с которой вместе делила тяготы жизни на шахте. Её напряжение мгновенно сменилось шоком и беспокойством, а в голосе прозвучало невольное удивление.

Елена подняла взгляд, встретившись с глазами У Сюань. Её голос звучал мягко, но в то же время невероятно твердо. Она старалась остановить эту бессмысленную бойню, объясняя каждое слово:

— У Сюань, пожалуйста, не надо. Патриот и его люди — не враги. Они прорвали оборону шахты специально, чтобы спасти нас.

Эти слова пролились словно свежий снег, мгновенно остудив пылающее поле боя и развеяв атмосферу до предела натянутого противостояния.

В этот же момент снаружи прохода слышались мерные шаги: отряд партизан поспешил на помощь. Они выстроились за спиной Патриота, держа оружие наготове, их фигуры были прямы, а взгляды — бдительны. Они хором доложили:

— Командир, мы пришли на подмогу!

Все они были готовы вступить в бой, чтобы вместе с Патриотом остановить этих троих подростков, чьи боевые навыки были столь пугающими. Но в следующую секунду Патриот медленно поднял свою огромную руку, закованную в костяную броню, и жестом остановил своих людей. Его голос, охрипший после тысячи битв, прозвучал низко, тяжело и не терпящим возражений тоном:

— Не... подходить. Здесь... опасно.

Он опасался не детей, стоящих перед ним, а самой этой хаотичной битвы, которая могла закончиться лишь взаимным уничтожением.

На другой стороне поля боя Байли И, услышав эти слова, содрогнулся. Все его мысли о схватке внезапно застыли. Его взгляд сузился, быстро пробежавшись по партизанам за спиной Патриота. Их одежда была истерта в боях, в глазах читалась бесконечная усталость и сострадание. В них не было той жестокости и высокомерия, которые присущи урусским надзирателям, не было и той жажды крови по отношению к Зараженным — лишь общность судеб и стойкость.

Важная деталь, ускользавшая от него до сих пор, внезапно пронзила его сознание. Он всё это время мыслил неверно. Если бы это были жестокие урусские надзиратели, считающие Зараженных не более чем пылью под ногами, стали бы они ценой стольких усилий прорывать оборону шахты и рисковать под огнем, чтобы спасти таких, как они — заключенных с самого дна общества?

Всё это время он ошибался.

Хаос сражения затуманил суждение, страх перед резней затмил Рассудок, а инстинкт выживания подтолкнул к отчаянному бою. Байли И сглотнул, чувствуя невероятное прозрение:

— Вы... вы не из отряда надзирателей?

Короткий вопрос развеял остатки тумана.

Стоявший в центре Патриот слегка замер, его алые вертикальные зрачки сузились — в одно мгновение он осознал корень этого конфликта. Он наконец понял, почему эти подростки проявили такую решимость, почему сражались с таким бесстрашием перед лицом смерти, и откуда у них такая чудовищная сила, способная разрывать поле боя. Это было просто инстинктивное стремление выжить, возникшее из-за ужасной и нелепой ошибки в хаосе войны.

В то же время, видя выражение лица Патриота — смесь облегчения и легкой досады, — глядя на растерянных партизан, Байли И, Эрн, У Сюань и Ху Ижань почувствовали, как гнев,

напряжение и настороженность мгновенно улетучились.

Молнии погасли, кулаки опустились, жажда убийства сошла на нет.

Четверо переглянулись, и в душе каждого осталась лишь острая неловкость и осознание произошедшего.

От столкновения молний с копьём до расколотой земли и пробитой брони — всё это кровавое, смертельное сражение, в котором они выложились без остатка, с самого начала было... лишь нелепой ошибкой.

<http://bllate.org/book/22376/2347551>